

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА О БУДУЩЕМ

ЭДВАРД
БУЛЬВЕР-ЛИТТОН

ГРЯДУЩАЯ
РАСА

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б90

Разработка серии *А. Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Дубовика*

Бульвер-Литтон, Эдвард.

Б90 Грядущая раса / Эдвард Бульвер-Литтон;
[пер. с англ. А.В. Каменского]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2018. — 224 с.

ISBN 978-5-04-093716-5

Утопический роман, сыгравший в истории челове-
чества совершенно особую роль!

В конце XIX века незадачливый американский пу-
тешественник проваливается в шахту, где встречается с
представителями высокоразвитой подземной цивили-
зации. Подземные жители не только построили города,
по своему техническому уровню превосходящие все, что
люди на тот момент успели создать в наземном мире, но
и овладели чудовищной энергией «вриля», который сделал
невозможными войны, так как его применение ведет к га-
рантированному уничтожению обеих воюющих сторон...

Высказанная в 1872 году автором «Грядущей расы»
идея «вриля» как особого вида разрушительной энер-
гии вдохновила в конце XIX — в начале XX столетия не
только адептов тайных обществ, но и ученых, что в конце
концов привело к созданию атомной бомбы...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© А. В. Каменский, перевод, 1891
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-093716-5 ООО «Издательство «Э», 2018

От переводчика

Фантастический роман Бульвера «Грядущая раса» (The Coming race) вышел в 1872 г. за несколько месяцев до смерти автора под псевдонимом Лоренс Олифант. Английская критика, не подозревая, что за этим именем скрывался знаменитый, старый писатель, приветствовала появление нового литературного светила.

Хотя книжка эта, вслед за своим появлением, была напечатана в переводе в одном из наших периодических изданий переводных романов, но, за исключением известного круга любителей такого рода чтения, вряд ли она знакома большинству читающей публики.

«Грядущая раса» написана чрезвычайно талантливо, изящным языком, с тонкой иронией над недостатками нашего общественного устройства и затрагивает те жгучие и вечно новые вопросы, которые составляют подкладку всех разнообразных учений — о достижении всеобщего счастья на земле.

Говоря словами самого Бульвера, взятыми из этой же книжки, «читающий старую книгу всегда найдет в ней что-нибудь новое, а читающий новую — что-нибудь старое».

Переводчик по возможности строго держался подлинника и позволил себе сократить только главу XII, трактующую о языке будущих людей.

Я уроженец города ... в Соединенных Штатах Америки. Предки мои переселились сюда из Англии еще в царствование Карла II; дед мой не без отличия участвовал в войне за освобождение. Поэтому наша семья уже по своему происхождению занимала довольно видное общественное положение; мои родные были к тому же людьми состоятельными, но почему-то считались непригодными для общественной службы в нашей свободной стране. Мой отец как-то пробовал попасть в конгресс, но потерпел жестокое поражение, и на выборах восторжествовал его портной. После этого он мало интересовался политикой и большую часть времени проводил в своей библиотеке. Я был старшим из трех сыновей; шестнадцати лет меня послали в старую страну отчасти для окончания моего образования, а также чтобы я приучился к коммерческому делу в конторе одной знакомой ливерпульской фирмы. Отец мой умер вскоре после того, как мне ми-

нул двадцать один год; и так как я был хорошо обеспечен и питал склонность к путешествиям и всяким приключениям, то, бросив на время погоню за всемогущим долларом, я совершенно отдался бесцельным странствованиям по всему свету.

В 18, проезжая местечко, я встретился с одним знакомым мне горным инженером, который предложил мне осмотреть рудник, находившийся в его заведывании.

Читатель, вероятно, догадается еще до окончания моего рассказа, почему я скрываю название той местности, где происходили описываемые мною события, и, может быть, поблагодарит меня за то, что я воздержался в своем рассказе от всяких указаний, которые послужили бы ключом к ее открытию.

Буду по возможности краток и скажу только, что я сопутствовал инженеру в глубины рудника; мрачные чудеса этого подземного мира до того очаровали меня и я так заинтересовался исследованиями моего приятеля, что продлил срок моего пребывания в этой местности и каждый день в течение нескольких недель спускался в эти подземные галереи и пещеры, — частью пробитые руками человека, частью созданные самою природою. По мнению инженера, самые богатые залежи минеральной руды должны были обнаружиться в новой, начатой им шахте.

Во время работ по ее углублению мы однажды дошли до глубокой трещины с изорванными и, видимо, обугленными краями, как будто разрыв породы произошел здесь под действием вулканической силы, в какой-нибудь отдаленный геологический период. В эту трещину инженер приказал рабочим опустить себя в «корзине», испробовав предварительно, посредством предохранительной лампы, состояние ее атмосферы. Почти целый час он оставался в пропасти. Когда его подняли, он был бледен как смерть, и на его лице было какое-то беспокойное, сосредоточенно-задумчивое выражение, которое не имело ничего общего с его обыкновенным бодрым, веселым взглядом.

Он сказал только, что спуск показался ему небезопасным и не привел ни к каким результатам. После того он тотчас остановил работы по углублению шахты, и мы перешли к другим, более знакомым частям рудника.

Весь этот день инженер казался поглощенным одною какою-то мыслью. Он сделался молчаливым, и в его глазах было какое-то испуганное, растерянное выражение, точно у человека, видевшего привидение. Вечером, когда мы сидели в нашей общей квартире близ шахты, я обратился с вопросом к моему приятелю:

— Скажите откровенно, что такое вы видели в пропасти? Я уверен — что-нибудь странное

и ужасное. Вас, наверное, мучит какое-то сомнение. В таком случае два ума лучше одного. Поверьте мне вашу тайну.

Инженер долго пытался уклониться от прямого ответа на мой вопрос; но по мере того, как во время нашего разговора он машинально подливал себе в стакан из стоявшей на столе фляжки с ромом — а обыкновенно это был человек крайне воздержанный и непривыкший к употреблению спирта, — его сдержанность постепенно исчезала. Тот, кто желает сохранить про себя свои мысли, должен уподобиться бессловесным существам и пить одну воду. Наконец он обратился ко мне со следующими словами:

— Я расскажу вам все. Корзина моя остановилась на краю довольно глубокого обрыва, спускавшегося в наклонном положении; бывшая со мною лампа не могла осветить наполнявший его мрак. Но из глубины его, к моему величайшему удивлению, исходил луч ровного, яркого света. Неужто это был огонь вулкана? Но тогда я ощущал бы теплоту. Как бы там ни было, всякое сомнение на этот счет грозило неминуемою опасностью нашему руднику. Я тщательно осмотрел стороны обрыва и убедился, что могу рискнуть спуститься хотя бы на некоторую глубину по выдающимся с боков его неровностям и выступам. Я вылез из корзины и стал спускаться. По мере того как я приближался к замеченному мною

свету, расщелина становилась все шире, и наконец я увидел, к своему невыразимому удивлению, в глубине пропасти долину, с широкою ровною дорогой, освещенной на всем ее протяжении, насколько мне было видно, правильно расставленными фонарями, как на улице большого города; до меня также смутно доносился шум точно человеческих голосов. Мне хорошо известно, что в этой местности не существует других рудников. Кому же принадлежали эти голоса? Что за люди провели эту дорогу и расставили по ней фонари?

Мне невольно стали приходить в голову суеверия рудокопов о гномах и подземных демонах. Под влиянием охватившего меня ужаса я еле решился спускаться далее навстречу этим таинственным подземным жителям. Да к тому же у меня не было и веревки, без помощи которой нельзя было достигнуть дна пропасти, так как стороны ее с этого места представляли совершенно гладкую вертикальную поверхность. С большим трудом я вскарабкался наверх. Теперь вы все знаете?

— Вы спуститесь опять!

— Я должен, но в то же время я колеблюсь.

— С верным товарищем путь наполовину короче, да и смелость удваивается, Я отправлюсь вместе с вами. Мы возьмем с собою надежные веревки достаточной длины — и... простите меня — вам не следует больше пить сегодня. Нужно, чтобы на завтра у нас были твердые руки и ноги.

II

С наступлением утра расстроенные нервы моего приятеля успокоились, и любопытство его было настолько же возбуждено, как и мое. Пожалуй, еще более; потому что он верил в свой рассказ, а я ощущал изрядное сомнение: конечно, не в том, чтобы он намеренно погрешил против истины; но мне казалось, что он был под влиянием одной из тех галлюцинаций, которым иногда подвергаются наши нервы и мозг в уединенных неведомых местах, причем мы видим несуществующие формы и слышим воображаемые звуки.

Мы выбрали шестерых опытных рудокопов, которые должны были следить за нашим спуском; так как в корзине мог поместиться только один человек, то инженер спустился первым, и как только он достиг того выступа, где останавливался в первый раз, корзину подняли за мною. Я скоро присоединился к нему. Мы взяли с собой связку крепких веревок.

Я был поражен не менее моего приятеля тем светом, который исходил из глубины наклонно идущей расщелины. Он напоминал мне ровно разлитый свет нашей атмосферы; он несколько не походил на отблеск огня, но был мягкий, серебристый, подобно лучам полярной звезды. Мы вылезли из корзины и сравнительно легко спустились по уступам скалы до той небольшой площадки, где остановился в первый раз мой приятель и где было как раз настолько места, чтобы мы могли стоять рядом друг с другом. Отсюда расщелина шла вниз, быстро расширяясь, точно дымовой выход гигантской паровой трубы, и я отчетливо увидел долину, дорогу и фонари, ранее описанные моим товарищем. Он ничего не преувеличил в своем рассказе. Я слышал те же звуки — точно отдаленный смешанный шум человеческих голосов и людских шагов.

Напрягая мое зрение, я даже разглядел вдали очертания какого-то большого строения. Это не могла быть скала: для этого она была слишком правильной формы; виднелись громадные колонны, напоминающие египетские храмы; и все это освещалось каким-то внутренним светом. У меня была с собой подзорная труба, и при помощи ее я мог различить поблизости от строения две фигуры, похожие на людей, хотя я и не был вполне уверен в этом. Во всяком случае, это

были живые существа, потому что они двигались и потом исчезли внутри строения. Мы тотчас начали укреплять посредством железных скоб и крюков, с помощью захваченного с собою инструмента, конец веревки к тому маленькому выступу, на котором стояли.

Ни один звук не прерывал нашу работу. Мы работали молча, как люди, которым было страшно вымолвить слово. Укрепив один конец веревки к уступу скалы, мы привязали камень к другому концу и спустили его вниз, до земли, на глубину почти пятидесяти футов. Я был моложе и ловчее моего товарища; к тому же мальчиком мне приходилось служить на корабле; так что предстоящий нам способ передвижения был мне привычнее. Шепотом я потребовал, чтобы он предоставил мне спуститься первому, и я таким образом мог бы придержать для него нижний конец болтающейся веревки. Я благополучно добрался до земли, и теперь настал черед инженера. Но едва он спустился на десять футов от уступа, как наши крепления, которые казались такими надежными, сдали под его тяжестью вместе с частью самой скалы, и несчастный полетел вниз к моим ногам с обломками камня, одним из которых — к счастью мелким — ударило меня по голове, и я потерял сознание. Когда я пришел в себя, я увидел лежащую около меня безжизненную, обезображенную массу, представляющую

все, что осталось от моего товарища. В то время как я склонился с невыразимым ужасом и горем над его трупом, я услышал поблизости от себя какой-то странный, шипящий звук; машинально повернувшись по направлению звука, я увидел высовывающуюся из темной трещины в скале громадную ужасную голову, с открытой пастью и неподвижными голодными глазами, какого-то чудовищного пресмыкающегося, вроде аллигатора или крокодила, но по величине далеко превосходившего все, что мне приходилось видеть во время моих путешествий. Я вскочил на ноги и бросился бежать вниз по долине. Наконец мне сделалось стыдно моего бегства, я остановился и пошел назад к тому месту, где я оставил труп моего приятеля. Его уже не было; без сомнения, чудовище успело втащить его в свою нору и пожрало. Веревка с привязанным на конце крюком лежала на том же месте, куда упала, но я не мог ею воспользоваться: не было никакой возможности снова прикрепить ее к верхнему выступу скалы, и нечего было думать влезть наверх по этой гладкой каменной поверхности, которая висилась надо мною. Итак, я оставался теперь совершенно один в этом неведомом мире; в недрах земли.